

© С. Б. Перевозкин, О. О. Андронникова, Ю. М. Перевозкина

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.02)

УДК 159.964

РОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ПОДРОСТКОВ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

С. Б. Перевозкин, О. О. Андронникова, Ю. М. Перевозкина (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Раскрывается проблема межличностного взаимодействия подростков – поколения, растущего в быстро изменяющемся мире. Цель статьи – определение ролевой структуры подростков в контексте межличностного взаимодействия.

Методология. Исследование проведено на выборке подростков от 13 до 15 лет, в количестве 139 человек, из них 62 мальчика и 77 девочек, учащиеся 7–9 классов общеобразовательных школ г. Новосибирска. В качестве методов исследования применялись проективный метод, анкетирование и опросники, для изучения проявления ролей в сфере контактов у подростков, ролевого конфликта и особенностей взаимодействия и отношений подростка в группе.

Результаты. Приводятся данные о статистически значимых различиях в проявлении ролевых позиций и ролевого конфликта в зависимости от пола, наличия друзей и направленности подростков $p < 0,05$ (критерий *t*-Стьюдента), а также о значимых положительных и отрицательных корреляциях между ролевыми образами и оценкой подростками межличностного взаимодействия в группе $p < 0,05$ (критерий *r*-Спирмена). Утверждается, что подростки, не имея устойчивого мировоззрения, подвержены влиянию негативных факторов. Особенно это касается подростков, испытывающих сложности в межличностном взаимодействии. Предлагается рассматривать межличностное взаимодействие в рамках символического интеракционизма, которое предполагает, что в основе межличностного взаимодействия лежит ролевое поведение субъекта. Освещается тезис о культурной фиксации базисных ролей, участвующих в межличностном взаимодействии. Обосновано, что исследование подросткового возраста в контексте ролевого подхода позволяет вывести понимание проблемы межличностного взаимодействия на новый уровень.

Заключение. На основе полученных результатов делается вывод об особенностях ролевой структуры подростков в межличностном взаимодействии.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие; сфера контактов; ролевое поведение; локус ролевого конфликта.

Перевозкин Сергей Борисович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и правоведения, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

E-mail: per@bk.ru

Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, декан факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: andronnikova_69@mail.ru

Перевозкина Юлия Михайловна – кандидат психологических наук, заведующая кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: per@bk.ru

Постановка проблемы

Актуальность исследования обусловлена реформами в образовательной, политической, социальной и других сферах жизнедеятельности человека. Согласно Концепции развития образования РФ до 2020 г.¹ модернизация системы образования выступает основой и необходимым условием для формирования инновационной экономики, обеспечения устойчивого и динамичного развития общества с высоким уровнем жизни. Указанные реформы, прежде всего, направлены на подрастающее поколение, от которого зависит будущее общества, его культурное и экономическое благополучие, духовное и нравственное развитие. В работах отечественных и зарубежных исследователей обсуждаются социальные проблемы поколения, рожденного в информационном пространстве и растущего в быстро изменяющемся мире [5; 7; 9; 11; 22; 26] и др. В западном обществе жизнь молодых людей широко интерпретируется через дискурс «нормального подросткового возраста» [9], отражающего этап на пути ко взрослой жизни (P. Alan and A. James²), характеризующийся эмоциональными потрясениями и иррациональным поведением [1; 3; 10; 11; 16–18; 22; 23].

Кризисные явления, сопровождающие реформирование российского общества, возникающие мировые угрозы в виде экстремистских, сепаратистских и террористических явлений – все это зачастую приводит к тому, что подростки, не имея целостного устойчивого мировоззрения, легко вступают в различные группировки, носящие экстремистский и криминальный характер [25]. При этом следует

отметить, что особую группу риска представляют подростки, испытывающие сложности в межличностном взаимодействии. Как показывают исследования, на конфликтные отношения между сверстниками влияют взаимоотношения в семье [17; 23], конфликты с учителями [28], злоупотребление подростками психоактивных веществ [26], виктимизация [1; 16], а также чрезмерное использование технических средств общения [27; 29]. Возрастание информационных потоков и как следствие увеличение насыщенности и интенсивности процессов обмена этой информацией, приводит к пониманию исключительности роли общения в современном мире [27; 29]. Увеличение технических средств, посредством которых происходит межличностное взаимодействие, выступает еще одной причиной, заставляющей задуматься о необходимости обратить внимание на роль общения и сделать эту проблему предметом специального рассмотрения. Решение проблемы межличностного взаимодействия подростков в условиях динамично меняющегося социального пространства возможно в русле ролевого подхода, согласно которому социализация – это процесс принятия и исполнения ролей и ролевых ожиданий, выступающих связующим звеном между группой и индивидом [12; 19]. Основываясь на исследованиях влияния социальных ролей на межличностное взаимодействие [2; 5–7; 12; 14; 15; 17–19; 21], мы ожидаем, что учет социальных ролей в интеракциях позволит предсказать позитивные отношения и групповые девиации.

¹ Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 годы: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 23.12.2005 № 803 // Вестник образования России. – 2006. – № 1. – С. 12–54.

² Prout A., Allison J. A New Paradigm for the Sociology of Childhood? Provenance, Promise and Problems. // Constructing and Reconstructing Childhood / edited by A. James and A. Prout. – Basingstoke, Hampshire: The Falmer Press, 1990. – P. 7–34.

Идея межличностного взаимодействия выступает основой понимания интерактивной природы общения [12; 19]. В теории трансактного анализа Э. Берна³ рассматривается влияние эго-состояний на особенности межличностного взаимодействия. Определяя трансакцию в качестве единицы общения, состоящей из стимула и реакции, автор отмечает, что во время обмена трансакциями происходит взаимодействие между эго-состояниями партнеров по общению. Э. Берн выделяет три эго-состояния: Родитель – назидательная позиция; Ребенок – побуждающая позиция; Взрослый – состояние, способствующее получению объективной информации и принятию решений на основе ее оценке. С точки зрения Э. Берна, возможны три вида трансакций: взаимодействие между партнерами по общению, находящимися в одном и том же эго-состоянии (параллельные трансакции); коммуникация между людьми с разных эго-позиций (пересекающиеся трансакции); общение между людьми, транслирующими не соответствующие их внутренним состояниям эго-позиции, манипулятивное взаимодействие (скрытые трансакции). В теории диадического взаимодействия Г. Келли и Д. Тибо⁴ межличностное взаимодействие представляет обмен поведенческими реакциями и оценку соотношения выгод к потерям. В случае преобладания выгод над потерями межличностное взаимодействие будет продолжаться, в случае обратного соотношения – прервется. К. Левин⁵ в своей тео-

рии поля понимал межличностное взаимодействие как соотношение между людьми, обусловленное внутренними потребностями (волевое поведение) и внешними объектами (полевое). Т. М. Newcomb [20] полагал, что взаимодействие детерминировано сходными ориентациями и отношениями партнеров по общению. Рассматривая общение в качестве одного из множества факторов интеракции, А. А. Леонтьев⁶ видит во взаимодействии коллективную, социально организованную деятельность. В то же время Б. Ф. Ломов⁷, отрицая понимание общения как частного вида деятельности, утверждает, что общение является самостоятельной активностью субъектов, результат которой включает отношение двух индивидов. Именно в процессе межличностного общения, отмечает Б. Ф. Ломов, возникают особые человеческие отношения, выступающие фундаментом взаимодействия субъектов. Г. М. Андреева⁸ выделяет в общении три взаимосвязанные стороны: коммуникативная – обмен информацией; перцептивная – восприятие партнерами друг друга и установление на этой основе взаимопонимания; интерактивная – обмен действиями (взаимодействие) между партнерами по общению. Таким образом, мы можем говорить о межличностных отношениях, межличностной коммуникации и межличностном взаимодействии, которые активно представлены в сфере контактов и могут выступать ее структурными компонентами.

³ Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – М.: Фаир-Пресс, 2000. – 480 с.

⁴ Келли Г., Тибо Дж. Межличностные отношения. Теория взаимозависимости // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – С. 61–81.

⁵ Левин К. Динамическая психология. – М.: Смысл, 2001. – 576 с.

⁶ Леонтьев А. А. Психология общения. – М.: Смысл; Академия, 2007. – 368 с.

⁷ Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999. – 350 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22788983>

⁸ Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 364 с.

Интеракции были положены в основу подхода Г. Н. Mead [19], который предполагал, что в основе любого взаимодействия лежит ролевое поведение. С точки зрения автора символического интеракционизма, индивид проигрывает во внутреннем плане роль партнера по общению, а затем реагирует на свои реакции. В теоретической концепции Е. Goffman [12] субъект получает выгоду от интеракции, адаптируясь к конкретной ситуации посредством «надевания на себя маски». М. Neale и М. А. Griffin [21] предлагают модель индивидуального восприятия ролей и их трансформации, основанную на трех компонентах: ролевых требованиях к индивиду, выполняющему конкретную роль в организации; ролевых схемах, базирующихся на более широких общественных ожиданиях относительно данной роли; ролевая специфика селф-компонента. В разработанной модели ролевых восприятий авторами демонстрируется, что убеждения субъекта относительно роли влияют на их ролевую реализацию. Схожей позиции придерживается N. Burdess [8], который утверждает, что ролевое поведение индивида зависит от трех компонентов: формальной организации, набора ролей и конкретного лица. Существенное добавление, с нашей точки зрения, вносит Т. Парсонс⁹, указывая, что роль представляет адаптационный компонент, реализуемый в виде приспособления как к внутренней ситуации, так и к изменениям внешней среды. Автор отмечает, что для эффективного взаимодействия необходимо учитывать ролевые ожидания исполнителя роли и его представления об ожиданиях относительно его

действий других. Ролевые ожидания понимаются Г. Н. Mead [20] и его последователями¹⁰ как культурно закрепленные стереотипы, которые включены в конкретные права и обязанности в процессе реализации роли. Именно тезис о культурной фиксации ролевых представлений лег в основу импозо-ролевой концепции Ю. М. Перевозкиной [4], по мнению которой существуют основные роли (ролевые импозиты, от лат. *impositio* – основной), представляющие базисные ролевые модели, участвующие в межличностном взаимодействии. На центральную позицию роли в контексте межличностного взаимодействия указывает И. С. Кон¹¹, отмечающий двойственность этого взаимодействия. С одной стороны, личность определяет реализацию роли, с другой – роль влияет на личность, создавая неповторимую ролевую комбинацию. И. С. Кон¹² придерживается мнения, что исследования подросткового возраста в контексте ролевого подхода позволяют вывести понимание проблемы межличностного взаимодействия на новый уровень, что в свою очередь определяет направление настоящего исследования. Таким образом, несмотря на имеющиеся в литературе критические замечания относительно места теории ролей в науке [15], необходимо подчеркнуть, что ролевой подход является эвристическим для изучения подрастающего поколения, т. к. именно в подростковом возрасте индивид приобретает новые социальные роли, подросток входит в новые социальные группы, именно в этом возрасте как никогда становится актуальной сфера контактов. В связи с этим авторы ставят перед собой **цель** – определение

⁹ Парсонс Т. О структуре социальных действий. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.

¹⁰ Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1992. – 224 p.

¹¹ Кон И. С. Социология личности. Над чем работают, о чем спорят философы. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.

¹² Кон И. С. Психология старшеклассника. – М.: Просвещение, 2007. – 192 с.

ролевой структуры подростков в контексте межличностного взаимодействия.

Методология исследования

В нашей работе мы придерживаемся основных позиции ролевой теории, рассматривающей активное освоение, ролевую трансляцию и ролевое взаимодействие в интеракциях подростков, а также учитываем процесс их собственного социального творчества по формированию ролевых моделей востребованных новой социальной реальностью. Кроме того, как указывает И. С. Кон¹³, освоение подростками новой социальной реальности сопровождается многочисленными ролевыми конфликтами. Ролевой конфликт, по мнению автора, выступает как отражение кризиса между ролевыми ожиданиями и представлениями индивида о конкретной роли. Вместе с тем мы принимаем позицию Э. Эриксона¹⁴, отмечающего уникальность ролевого конфликта подросткового возраста, состоящего в кризисе между становлением идентичности и ролевым смешением. Схожее понимание ролевого конфликта транслируется в научных трудах П. П. Горностая¹⁵, считающего, что ролевой конфликт возникает в дисгармоничный переход из одной жизненной стадии к другой, при этом индивид не может свободно реализовывать свои роли в поведении, блокируя их проявление. Такой ролевой конфликт, с точки зрения П. П. Горностая [2], сопровождается дисгармоничным развитием личности. J. Spurlock [24] отмечает, что общественные ожидания могут отличаться от собственных ролевых ожиданий конкретного индивида и противоречить его целям. Множественность и совпаде-

ние ролей, с точки зрения автора, часто провоцируют конфликт и стресс. В связи с этим нами была выдвинута рабочая гипотеза о связи ролевого конфликта, деструктивных ролей с дисгармоничным межличностным взаимодействием подростков.

В контексте обозначенного при проведении исследования подбирались методы по трем направлениям:

1) проявление ролей в сфере контактов у подростков – методика «Калейдоскоп» (Ю. М. Перевозкина, Л. В. Панышина, О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева, патент № 2625284 зарегистрирован 12 июля 2017 г.); опросник «Определение ролевых позиций в межличностных отношениях» (Э. Берн);

2) особенности взаимодействия и отношений подростка в группе – анкета «Отношение и взаимодействие подростка в группе» (Ф. Прюс);

3) локус ролевого конфликта, предполагающий конформное поведение подростка (экстернальный локус ролевого конфликта) и ориентация на внутренние детерминанты ролевого поведения (интернальный локус ролевого конфликта) – опросник «Локус ролевого конфликта» (П. П. Горностай).

В исследовании приняли участие подростки от 13 до 15 лет, в количестве 139 человек, из них 62 мальчика и 77 девочек, учащиеся 7–9 классов общеобразовательных школ г.Новосибирска. В качестве статистических методов были использованы частотный анализ, корреляционный анализ по критерию *r*-Пирсона, сравнительный анализ по критерию *t*-Стьюдента, соответствие эмпирического распределения нормальному виду

¹³ Кон И. С. Психология старшеклассника. – М.: Просвещение, 2007. – 192 с.

¹⁴ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. – 352 с.

¹⁵ Горностай П. П. Ролевая социализация личности: психотерапевтический ракурс // Научные записки Института психологии им. Г. С. Костюка. – К.: Нора-Друк, 2001. – С. 91–100.

подтверждалось критерием *d*-Колмагорова–Смирнова ($p > 0,05$).

Результаты и их обсуждение

Согласно данным, полученным по методике «Калейдоскоп», было выявлено, что в структуре межличностных отношений у подростков в большей степени представлены роли: девы ($M = 1,7$ баллов), героя ($M = 1,7$

баллов) и ведьмы ($M = 1,6$ балла) (рис. 1). Несколько меньше выражена роль трикстера ($M = 1,14$ балла). Роли героя и девы отражают период молодости, что является когерентным подростковому периоду. Кроме того, важно отметить, что обе роли имеют созидательную направленность, демонстрирующую осуществление созидательной деятельности в группе подростков.

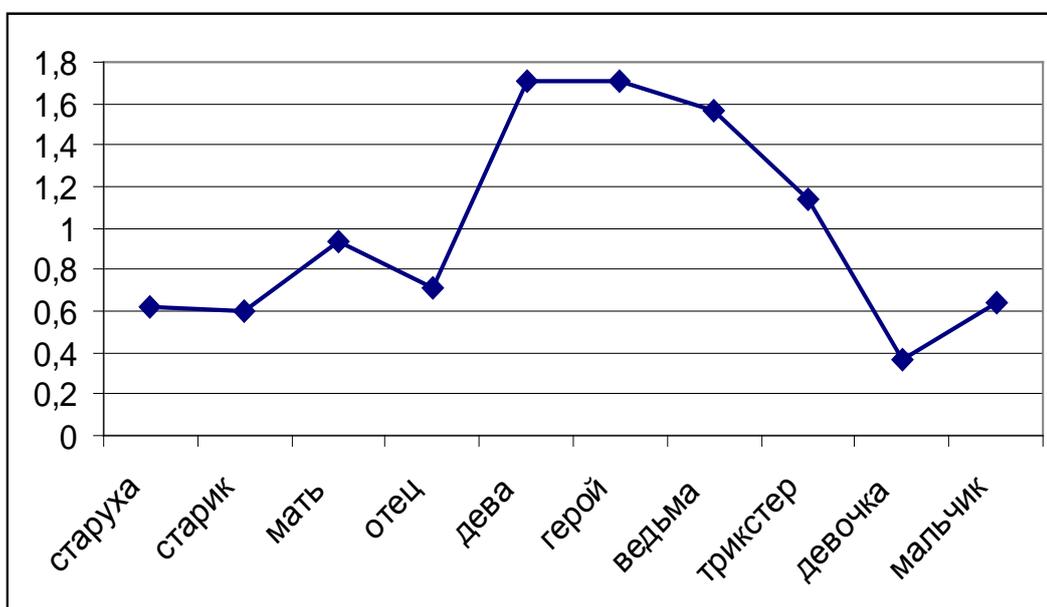

Рис. 1. Импазо-ролевой профиль подростков в сфере контактов

Fig. 1. Impaso-role profile of adolescents in the sphere of contacts

Вместе с тем наблюдается деструктивная разрушительная тенденция в межличностном взаимодействии у подростков, реализуемая в двух ролях: трикстера и ведьмы.

Исследование ролевой выраженности и ролевого конфликта в зависимости от пола, направленности и наличия друзей у подростков, показали статистически значимые различия ($p < 0,05$). Представленность той или иной роли в ролевом профиле зависит от пола ($p <$

$0,05$) (табл. 1). Девочки отличаются выраженностью эго-состояния ребенка ($M = 46,26$ балла), отражающего состояние побуждающей позиции в отличие мальчиков ($M = 38,41$ балла). Это доказывает, что для девочек характерны такие черты, как открытость, непосредственность, эмоциональность. Они более спонтанны, испытывают радость и любопытство, при этом отличаются капризностью и боязливостью.

Таблица 1

Различия ролевой выраженности и ролевого конфликта у мальчиков и девочек (критерий *t*-Стьюдента, *N* = 139)

Table 1

Differences in the role and role conflict in boys and girls (test *t*-Student, *N* = 139)

Роли	<i>M</i> – муж- ской	<i>M</i> – жен- ский	<i>t</i> -знач.	<i>P</i>	<i>N</i> – муж- ской	<i>N</i> – жен- ский	<i>d</i> -К-С	<i>p</i>
Ребенок	38,41	46,26	-4,38	0,000	62	77	0,023	0,919
Отец	0,98	0,49	2,43	0,017	62	77	0,438	0,133
Старик	0,85	0,40	2,31	0,022	62	77	0,767	0,019
Мать	0,68	1,14	-2,13	0,035	62	77	0,308	0,278
Дева	1,40	1,95	-1,96	0,050	62	77	0,039	0,881
Мальчик	0,85	0,47	1,95	0,050	62	77	0,592	0,065

При анализе различий ролей в сфере контактов необходимо отметить преобладание ролей, согласующихся с полом респондентов (табл. 1). У девочек ролевая структура в межличностном взаимодействии характеризуется выраженностью женских ролей: на первых позициях – дева ($M = 1,95$ балла) и на вторых позициях – мать ($M = 1,14$ балла). Роль девы относится к периоду молодости, что соответствует возрастному периоду подростков, тогда как ролевой импозит матери – к периоду взрослости. Объединяющим началом для двух этих ролей выступает эмоциональность, чувствительность, однако для девы в большей степени характерны игривость, чистота и подчиненность в отношениях, а для матери – забота об окружающих [7]. У мальчиков в сфере контактов преобладает роль отца ($M = 0,98$ баллов) – относится к периоду взрослости и предполагает руководящие функции, а на вторых позициях обнаружены две роли: мальчика ($M = 0,85$ баллов) – относится к периоду детства; и старика ($M = 0,85$ баллов) – относится к периоду старости. Интересно, что мальчики не используют в сфере контактов когерентные (согласованные) с возрастом

роли – все роли относятся к другим возрастным периодам. Итак, отталкиваясь от полученных результатов, можно утверждать, что в межличностном взаимодействии мальчики реализуют руководящую роль (отец), но при этом тяготеют к свободе в отношениях, спонтанности и находчивости (мальчик), удивительным образом сочетая трансляцию знаний, занудство и назидательность в межличностных отношениях (старик). Таким образом, большинство исследованных подростков демонстрируют соответствие своей гендерной роли в межличностном взаимодействии, что говорит об их успешной социализации. Полученные нами результаты согласуются с данными других ученых в этой области. Так, проведенные Н. К. Ма [18] исследования асоциального поведения китайских подростков ($N = 505$), демонстрируют, что просоциальное поведение положительно связано как с мужественностью, так и с женственностью. Автор выявил, что мальчики, в отличие от девочек, более склонны к совершению асоциальных проступков. Вместе с тем в его исследовании было показано, что ролевое гендерное несоответствие в большей степени обуславливает делинквентное поведение. Вместе с тем в научной работе S. Kulis,

F. F. Marsiglia, J. L. Nagoshi [15] было доказано, что чрезмерная ролевая идентификация с гендером обуславливает интернализацию и экстернализацию ролевого конфликта. Авторы на выборке 171 подростка (60 мальчиков и 91 девочка) американских мексиканцев показали, что употребление психоактивных веществ (алкоголь, сигареты, марихуана) положительно связаны с агрессивной мужественностью у мальчиков и аффективной женственностью у девочек. Авторы делают вывод, согласующийся с нашими данными, что отрицательные гендерные роли статистически чаще детерминируют более высокий уровень употребления психоактивных веществ, при этом такой эффект почти полностью опосредовался интернализацией и экстернализацией проблем. Исследования J. Anthrop, M. T. Allison [7] старших школьников, занимающихся спортом, показали тенденцию к тому, что девушки-спортсменки, участвующие в социально одобренных видах спорта, столкнулись с конфликтом интересов в принятии роли женщин ($p \leq 0,07$). Согласно исследованиям, проведенным Хуеян Янг, Xinhong Wang, Lin Zhang, J. C. Weidman [30], направленное упорство китайских студентов статистически зна-

чимо связано с гендерными ролевыми конфликтами и интернализацией профессиональной роли; однако структура ассоциаций различалась у мужчин и женщин. Для учащихся мужского пола конфликт гендерной роли и интернализация профессиональной роли были связаны с направленным упорством; однако для женщин студенток взаимосвязь между интернализацией профессиональной роли и направленным упорством была обусловлена конфликтом гендерной роли.

Приведенные данные исследований позволили продвинуть гипотезу еще на шаг вперед и подтвердить предположение, что ролевой конфликт в межличностных отношениях мешает конструктивному взаимодействию подростков. Для проверки выдвинутого предположения мы исследовали различия в локусе ролевого конфликта в зависимости от субъективного определения подростками наличия или отсутствия друзей (табл. 2). Результаты сравнения показали, что подростки, отмечающие отсутствие друзей, характеризуются экстернальным локусом ролевого конфликта ($M = 6,5$ балла при $p = 0,01$), тогда как респонденты, утверждающие наличие друзей, имеют промежуточный тип локуса ролевого конфликта ($M = 12,08$ балла), отличающийся гармоничным развитием личности [2].

Таблица 2

Различия ролевого конфликта в зависимости от субъективного восприятия наличия друзей (критерий *t*-Стьюдента)

Table 2

Differences in the role conflict depending on the subjective perception of having friends (test *t*-Student)

Переменная	<i>M</i> – да	<i>M</i> – нет	<i>t</i> -знач.	<i>p</i>	<i>N</i> – да	<i>N</i> – нет	<i>d</i> -К-С	<i>p</i>
Локус ролевого конфликта	12,08	6,50	2,61	0,012	100	30	0,499	0,493

Полученные результаты позволяют говорить о нарушении нормального ролевого раз-

вития у подростков с неконформным поведением (интернальный тип), которое приводит к внешнему ролевому конфликту – тенденции

отстаивать собственную ролевую идентичность и строить ролевое поведение в соответствии с ней, даже если она противоречит выполняемой роли, порождают агрессивные реакции, направленные на окружающих. Такое поведение обуславливает трудности в установлении и удержании близких дружеских отношений у подростков. Согласно J. L. Terrion, M. Rocchi, S. O'Rielly [26] подростки, оценивающие свое качество дружбы как низкое, демонстрируют асоциальное поведение и злоупотребление психоактивными веществами.

В контексте исследуемой проблемы приобретают особое значение результаты С. Н. Панцырь и А. П. Новгородцевой [3], показавшие, что подростки с девиантным поведением отличаются индивидуалистическим и эгоистическим отношением к сверстникам, при этом не осознают внутренние конфликты. В научной статье О. А. Халифаевой [6] было доказано ($p < 0,05$), что юноши и девушки с экстернальным типом локуса ролевого конфликта обладают меньшей социальной креативностью, в отличие от подростков с интернальным локусом ролевого конфликта, что позволило автору сделать вывод об их неспособности к адаптации в условиях ролевой неопределенности. Согласно исследованиям К. Jaskyte [14], проводившимся на 210 студентах, при освоении новой социальной роли индивидуальная, инвестиционная и фиксированная тактики приводят к снижению двусмысленности роли, в свою очередь тактика инвестиций приводит к снижению ролевого конфликта.

Кроме того, доказательность выдвинутого предположения обусловлена различиями в локусе ролевого конфликта в зависимости от направленности подростков ($t = -2,19$, при $p = 0,03$). Результаты сравнения показали, что респонденты с деструктивной направлен-

ностью, ориентированной на разрушение межличностных отношений, имеют интернальный локус ролевого конфликта (табл. 3). В исследовательской статье О. В. Рубцовой [5] доказано, что локус ролевого конфликта обусловлен таким предикторами, как гипертимность и интравертированность ($p < 0,05$). Подростки с высокими показателями гипертимности и интравертированности демонстрируют интернальный локус ролевого конфликта с ориентацией на внешние детерминанты ролевого поведения, ролевые ожидания, и в случае их противоречия Я-идентичности подростка развивается внутриличностный ролевой конфликт.

В данном контексте мы можем предполагать, что подростки с жизнерадостным, оптимистичным отношением к окружающим, отличающиеся щедростью, отзывчивостью и добротой в межличностных отношениях не имеют ролевого конфликта, гармонично сочетая социальные ожидания с собственной идентичностью. В то же время подростки с разрушительным отношением к социальному пространству характеризуются интернальным локусом ролевого конфликта, предполагающим ориентацию на внутренние установки, которые могут входить в противоречие с ролевыми ожиданиями окружающих. Один из самых главных выводов из сказанного состоит в том, что интернальный тип ролевого конфликта характеризуется разрушением межличностных взаимоотношений, при этом такие подростки предпочитают в межличностном взаимодействии роли с деструктивной направленностью (ведьма и трикстер). Это утверждение до некоторой степени может рассматриваться как гипотеза, которую еще предстоит обсудить более подробно. Между тем, важно обратить внимание, что подростки с созидательной направленностью в межличностных отношениях характеризуются выраженностью

двумя ролевыми позициями: взрослый, отвечающий за рациональность и здравый смысл, и ребенок, дающий спонтанность, яркие впечатления, творчество и эмоциональность. Ролевая выраженность девы и девочки (положительная статистически значимая корреляция: $r = 0,45$ при $p = 0,03$) (табл. 4) у подростков с созидательной направленностью, ориентированной на построение конструктивных взаимоотношений, также отличается наивностью, эмоциональностью и любопытством (табл. 3). Обе роли связаны положительно с потребностью в освобождении от ограничений и

в любознательности, ассоциируемые М. Люшером¹⁶, с желтым цветом ($r = 0,4$ при $p < 0,03$). Роль матери, реализующая заботу о близком, положительно взаимосвязана с эго-состоянием родителя, отражающим назидательность в отношениях ($r = 0,42$ при $p = 0,01$). Роль отца (руководящая роль) и мальчика (свобода, игривость и творчество) положительно связаны потребностью в признании со стороны окружающих, воплощенных в зеленом цвете¹⁷, реализуемых через самоутверждение (положительная корреляция с положением роли справа внизу).

Таблица 3

Различия ролевой выраженности и ролевого конфликта в зависимости от направленности (критерий t -Стьюдента)

Table 3

Differences in the role and role conflict depending on the direction (test t -Student)

Переменные	M – созидательная	M – деструктивная	t -знач.	p	N – созидательная	N – деструктивная	d -К-С	p
Ведьма	0,78	2,98	-7,48	0,000	70	69	1,038	0,150
Трикстер	0,56	1,92	-4,39	0,000	70	69	0,501	0,256
Старик	1,12	0,20	3,84	0,000	70	69	1,458	0,123
Старуха	0,78	0,29	2,25	0,027	70	69	0,551	0,324
Дева	2,10	0,24	2,67	0,009	70	69	1,008	0,171
Мать	1,22	0,59	2,45	0,016	70	69	1,327	0,165
Девочка	1,66	0,22	2,27	0,026	70	69	0,725	0,230
Родитель	41,49	35,31	2,69	0,009	70	69	1,034	0,920
Ребенок	47,76	42,23	2,46	0,016	70	69	1,660	0,104
Локус ролевого конфликта	11,29	17,20	-2,19	0,031	70	69	1,340	0,331

Роли старика и старухи, представленные в структуре межличностных отношений у подростков с созидательной направленностью,

отражают такие качества, как мудрость и подверженность традициям в отношениях, реали-

¹⁶ Люшер М. Цветовой тест Люшера. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. – 190 с.

¹⁷ Драгунский В. В. Цветовой личностный тест: практическое пособие. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. – 441 с.

зуемых через критический самоанализ (положительно связана с положением роли в левой стороне снизу) (табл. 4) [4]. И, наконец, две роли с деструктивной направленностью – ведьма и трикстер – отрицательно связаны с эго-состоянием «родитель» ($r = -0,4$ при $p < 0,05$). Это свидетельствует, что подростки с преобладанием указанных ролей в сфере контактов не подчиняются правилам, общественным ожиданиям в межличностном взаимодей-

ствии¹⁸. Кроме того, в подтверждении выдвинутому ранее предположению роль ведьмы (эгоцентричность, мистицизм, мстительность) связана с интернальным локусом ролевого конфликта. Соответственно, подростки с выраженностью этой роли в межличностном взаимодействии ориентированы на свои внутренние потребности и входят в конфликт с принятыми в обществе нормами поведения. Все описанные выше результаты схематично представлены на рисунке 2.

Таблица 4

Ранговые корреляции между выраженностью ролевой позиции, ролевым конфликтом, ролевыми потребностями (цвет) и способом достижения ролевой потребности (место положения роли) по критерию r -Спирмена

Table 4

Rank correlations between the prevalence of the role position, role conflict, role needs (color) and the way to achieve role-based needs (location of the role) by the test r -Spearman

Взаимосвязанные переменные	Число наблюдений	Спирмена – R	p -уров.
Дева & Желтый	139	0,48	0,001
Герой & Взрослый	139	-0,43	0,008
Девочка & Ребенок	139	0,45	0,003
Девочка & Желтый	139	0,39	0,025
Мальчик & Зеленый	139	0,39	0,023
Мальчик & ПН (справа внизу)	139	0,37	0,040
Трикстер & Родитель	139	-0,44	0,005
Ведьма & Родитель	138	-0,37	0,041
Ведьма & Локус ролевого конфликта	139	0,38	0,038
Мать & Родитель	139	0,42	0,010
Отец & Зеленый	139	0,39	0,028
Старуха & ЛН (слева внизу)	139	0,38	0,039

¹⁸ Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – М.: Фаир-Пресс, 2000. – 480 с.

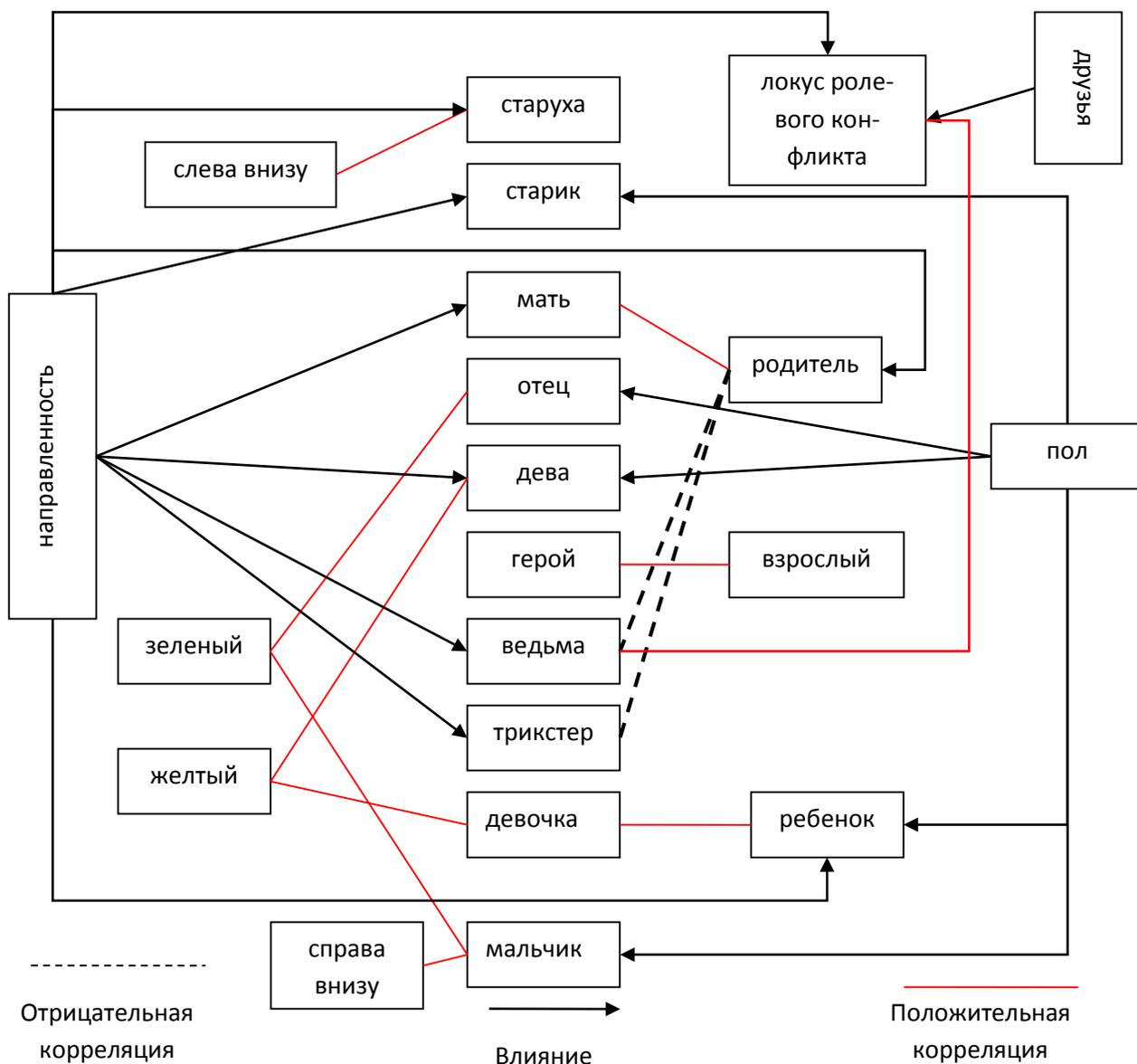

Рис. 2. Ролевая структура подростков в сфере контактов
 Fig. 2. The structure of role of adolescents in the sphere of contacts

Таким образом, тщательное рассмотрение полученных результатов позволило продвинуть нашу гипотезу еще на шаг вперед и частично подтвердить предположение, что интернальный ролевой конфликт, деструктивная направленность и деструктивные роли ведьмы и трикстера, способствуют негармоничному

межличностному взаимодействию. Для окончательного доказательства выдвинутой гипотезы мы провели корреляционный анализ (критерий *r*-Спирмена) между ролями и самооценкой подростками своего взаимодействия в группе и отношения к ней (табл. 5).

Таблица 5

Ранговые корреляции между выраженностью ролевой позиции и самооценкой взаимоотношений в группе по критерию *r*-Спирмена

Table 5

Rank correlations between the prevalence of the role position and the self-assessment of the relationship in the group by the test *r*-Spearman

Взаимосвязанные переменные	Число наблюдений	Спирмена – <i>R</i>	<i>p</i> -уров.
Герой & Сплоченность в группе	139	-0,45	0,001
Герой & Количество групп	139	-0,37	0,030
Дева & Самочувствие в группе	139	0,41	0,006
Дева & Важность группы	139	0,39	0,015
Дева & Право голоса в группе	139	0,53	0,000
Дева & Поддержка в группе	139	0,35	0,045
Дева & Удовлетворенность взаимоотношениями с окружающими людьми	139	0,37	0,021
Отец & Время нахождения в группе	139	0,48	0,001
Отец & Количество групп	139	0,38	0,019
Отец & Удовлетворенность общением с друзьями	139	0,36	0,034
Девочка & Самочувствие в группе	139	0,37	0,025
Девочка & Время нахождения в группе	139	-0,38	0,030
Старуха & Самочувствие в группе	139	-0,47	0,000
Старуха & Важность группы	139	-0,60	0,000
Старуха & Сплоченность в группе	139	-0,38	0,023
Старуха & Право голоса в группе	139	-0,36	0,044
Старуха & Удовлетворенность взаимоотношениями с окружающими людьми	139	0,43	0,002
Старуха & Время нахождения в группе	139	-0,42	0,009
Старуха & Количество групп	139	-0,56	0,000
Трикстер & Самочувствие в группе	139	0,36	0,039
Ведьма & Удовлетворенность взаимоотношениями с окружающими людьми	139	-0,48	0,000
Ведьма & Удовлетворенность общением с друзьями	139	-0,36	0,027

Результаты корреляционного анализа позволяют утверждать, что наиболее эффективными ролями в межличностном взаимодействии подростков выступают: ролевой импозит девы (пять положительных взаимосвя-

зей с оцениванием межличностного взаимодействия в группе) (рис. 3) и ролевой импозит отца (три положительных взаимосвязи с оцениванием межличностного взаимодействия в группе) (рис. 3).

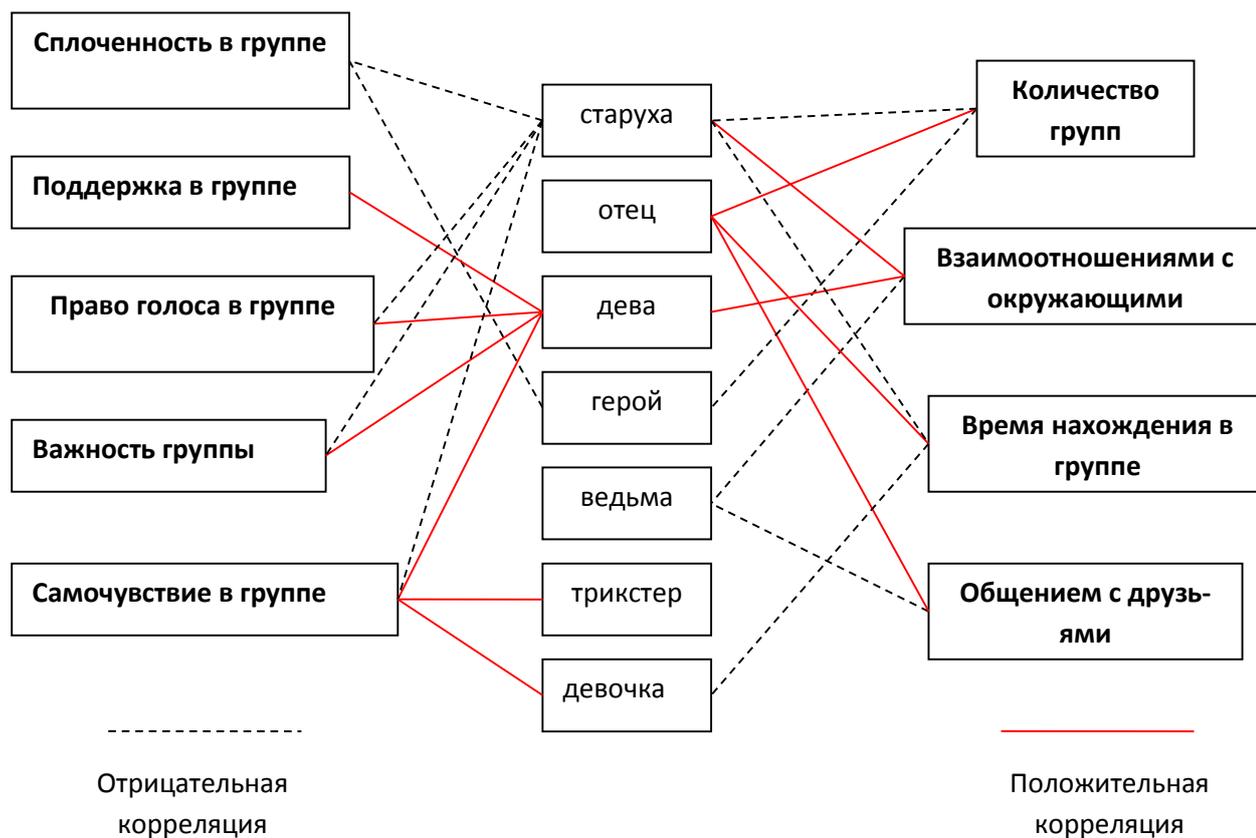

Рис. 3. Имazo-ролевая модель корреляций подростков в сфере контактов
 Fig. 2. Imaso-role model of correlation of adolescents in the sphere of contacts

Итак, чем выше ролевая представленность в сфере контактов ролевого импозита девы у девочек, характеризующегося конформностью, ориентацией на мнение окружающих, чувствительностью [4], тем больше представительницы женского пола удовлетворены взаимоотношениями с окружающими ($r = 0,37$ при $p = 0,02$). Они оценивают свое самочувствие в группе как высокое ($r = 0,4$ при $p = 0,006$), ощущая важность группы ($r = 0,4$ при $p = 0,01$) и поддержку в группе ($r = 0,35$ при $p = 0,04$), отмечая возможность права голоса в группе ($r = 0,53$ при $p = 0,000$). Роль отца, более выраженная у мальчиков, связана с большим количеством групп ($r = 0,38$ при $p = 0,02$), увеличенным временем нахождения в группе ($r = 0,48$ при $p = 0,001$), кроме того,

они в большей степени удовлетворены общением с друзьями ($r = 0,36$ при $p = 0,03$). Один из самых главных выводов из сказанного состоит в том, что девочки, реализуя соответствующую им роль по полу и возрасту – роль девы – испытывают эмоциональный комфорт от своего нахождения в группе. Тогда как для мальчиков важной ролью в групповом взаимодействии является роль отца, позволяющая им эффективно общаться в большом количестве разнообразных групп. Результаты исследования Н. Gerardy, N. S. Mounts, A. E. Luckner, D. P. Valentiner [11] показали, что подростки со свободным взаимодействием со сверстниками, демонстрируют высокий уровень просоциального поведения и хорошую социальную интеграцию в группу.

Интересным фактом стала отрицательная взаимосвязь ролевого импозита старухи с самооценкой межличностного взаимодействия (шесть обратных корреляций) (рис. 4). Респонденты с ролевым импозитом старухи, отличающегося обращенностью во внутренний мир, замкнутостью, занудством, сварливостью, отмечают низкую сплоченность в группе ($r = -0,38$ при $p = 0,02$), отсутствие права голоса в группе ($r = -0,36$ при $p = 0,04$). Такие подростки испытывают сниженное самочувствие в группе ($r = -0,47$ при $p = 0,000$), не ощущая важности группы ($r = -0,6$ при $p = 0,000$). При этом подростки с выраженным ролевым импозитом старухи включены в минимальное количество групп ($r = -0,56$ при $p = 0,000$) с минимум времени нахождения в них ($r = -0,42$ при $p = 0,009$). Изучение социальных статусов в выборке из 421 подростка (57 % девочек от 14 до 19 лет), оценки дружбы и романтических отношений А. М. La Greca и Н. М. Harrison [16] показали, что чем положительнее оценивают качество дружбы и отмечают активное социальное взаимодействие со сверстниками, имеющими высокий социальный статус, установление новых дружеских отношений, тем менее у подростков выражены чувство социальной тревоги и депрессивные состояния. Тогда как виктимизация и негативные взаимодействия в группе позволяют предсказать высокую социальную тревогу и депрессивные симптомы. Согласно исследованиям О. О. Андрониковой [1], одним из факторов, обуславливающим формирование неадаптивных форм виктимного поведения подростков, выступает затрудненное общение и повышенная тревожность. Высокой социальной тревогой, по данным Н. М. Inderbitzen, К. S. Walters, А. L. Bukowski [10], характеризуются учащиеся с отвергаемым социальным статусом ($N = 973$).

Роль ведьмы также является негативной в структуре межличностного взаимодействия. Респонденты с преобладанием данной роли отмечают свою неудовлетворенность взаимоотношениями в группе ($r = -0,48$ при $p = 0,000$) и общением с друзьями ($r = -0,36$ при $p = 0,03$). Подростки с ролевым импозитом героя, ориентированным на преодоление преград и достижение победы любым путем, характеризуются вхождением в незначительное количество групп ($r = -0,37$ при $p = 0,03$), которые, по их мнению, не являются сплоченными ($r = -0,43$ при $p = 0,001$). В данном случае можно предположить, что роль лидера или победителя не является вполне успешной в рамках группового взаимодействия. Подростки с транслирующей ролевыми импозитов девочки и трикстера в межличностном взаимодействии отмечают высокое самочувствие в группе ($r = 0,4$ при $p < 0,04$), однако респонденты с ролевой позицией девочки, отличающейся инфантильностью, не могут долго находиться в группе ($r = -0,38$ при $p = 0,03$).

Заключение

В межличностном взаимодействии подростки предпочитают связанные с полом роли: девочки выбирают преимущественно на первые позиции женские роли (дева, мать), а мальчики – мужские (отец, старик, мальчик). У девочек-подростков в межличностных отношениях преобладает возрастная ролевая согласованность – на первые позиции выбирают роль, соответствующую их возрастному периоду (ролевой импозит девы). Тогда как у мальчиков наблюдается возрастная инкогерентность – выбирают роль, относящуюся к следующему возрастному периоду (ролевой импозит отца).

Нарушение нормального ролевого развития у подростков с неконформным поведе-

нием (интернальный тип), связанного с оставлением собственной ролевой идентичности и построением ролевого поведения в соответствии с ней, даже если она противоречит выполняемой роли, обуславливает трудности в установлении и удержании близких, дружеских отношений. Такие подростки ориентированы на разрушение межличностных отношений, имеют деструктивную направленность и выбирают роли ведьмы и трикстера. При этом подростки с деструктивной направленностью в межличностном взаимодействии предпочитают не подчиняться правилам и общественным ожиданиям.

Наиболее эффективной ролью в контексте межличностного взаимодействия для девочек является роль девы, соответствующая полу и возрасту респондентов и характеризующаяся конформностью, ориентацией на мнени-

е окружающих и чувствительностью. Девочки с преобладанием роли девы, отвечающей за эмоциональное состояние в межличностном взаимодействии, отмечают положительно свое самочувствие в группе, удовлетворенность взаимоотношениями, ощущая важность группы и поддержку в ней. Для мальчиков важной ролью в групповом взаимодействии является роль отца, позволяющая им эффективно общаться в большом количестве разнообразных групп.

Наименее эффективным в ролевом взаимодействии подростков является ролевой импозит старухи, относящийся к периоду старости и отличающийся обращенностью во внутренний мир, замкнутостью, занудством, сварливостью. Подростки с выраженным ролевым импозитом испытывают сложности в групповом взаимодействии, негативно относясь к группе как таковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андронникова О. О.** Возможности трансформации дезадаптивных форм виктимного поведения подростков в образовательном пространстве // *Философия образования*. – 2014. – № 1. – С. 178–184.
2. **Горностаев П. П.** Личность и роль: ролевой подход в социальной психологии личности: монография. – Киев: Интерпресс, 2007. – 311 с.
3. **Панцырь С. Н., Новгородцева А. П.** Личностные особенности подростков с девиантными формами поведения // *Культурно-историческая психология*. – 2013. – № 2. – С. 64–72.
4. **Перевозкина Ю. М.** Импазо-ролевая модель диагностики социализации личности // *Сибирский педагогический журнал*. – 2016. – № 5. – С. 126–133.
5. **Рубцова О. В.** Ролевая идентичность как интегральная характеристика социальной ситуации развития подростка // *Психологическая наука и образование*. – 2011. – № 5. – С. 5–13.
6. **Халифаева О. А.** Особенности проявления креативности в ситуации ролевого конфликта в юношеском возрасте // *Психологическая наука и образование*. – 2017. – Т. 22, № 2. – С. 54–64.
7. **Anthrop J., Allison M. T.** Role Conflict and the High School Female Athlete // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. – 1983. – Vol. 54, Issue 2. – P. 104–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02701367.1983.10605281>
8. **Burdess N.** Role Theory and the Local Planner // *Urban Policy and Research*. – 1987. – Vol. 5, Issue 3. – P. 126–131. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08111148708551305>
9. **Allen D.** “Just a Typical Teenager”: The Social Ecology of “Normal Adolescence” – Insights from Diabetes Care // *Symbolic Interaction*. – 2013. – Vol. 36, Issue 1. – P. 40–59 DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/symb.42>

10. **Inderbitzen H. M., Walters K. S., Bukowski A. L.** The role of social anxiety in adolescent peer relations: Differences among sociometric status groups and rejected subgroups // *Journal of Clinical Child Psychology*. – 1997. – Vol. 26, Issue 4. – P. 338–348. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15374424jccp2604_2
11. **Gerardy H., Mounts N. S., Luckner A. E., Valentiner D. P.** Mothers' Management of Adolescent Peer Relationships: Associations With Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior // *The Journal of Genetic Psychology*. – 2015. – Vol. 176, Issue 5. – P. 299–314. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00221325.2015.1066746>
12. **Goffman E.** On Face-Work. An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*. – 1955. – Vol. 18, Issue 3. – P. 213–231. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00332747.1955.11023008>
13. **Jackson J.** Contemporary criticisms of role theory // *Journal of Occupational Science*. – 1998. – Vol. 5, Issue 2. – P. 49–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14427591.1998.9686433>
14. **Jaskyte K.** The Impact of Organizational Socialization Tactics on Role Ambiguity and Role Conflict of Newly Hired Social Workers // *Administration in Social Work*. – 2005. – Vol. 29, Issue 4. – P. 69–87. DOI: http://dx.doi.org/10.1300/J147v29n04_05
15. **Kulis S., Marsiglia F. F., Nagoshi J. L.** Gender Roles, Externalizing Behaviors, and Substance Use Among Mexican-American Adolescents // *Journal of Social Work Practice in the Addictions*. – 2010. – Vol. 10, Issue 3. – P. 283–307. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1533256X.2010.497033>
16. **La Greca A. M., Harrison H. M.** Adolescent Peer Relations, Friendships, and Romantic Relationships: Do They Predict Social Anxiety and Depression? // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. – 2005. – Vol. 34, Issue 1. – P. 49–61. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15374424jccp3401_5
17. **Lennings H. I. B., Bussey K.** The mediating role of coping self-efficacy beliefs on the relationship between parental conflict and child psychological adjustment // *Social Development*. – 2017. – Vol. 26, Issue 4. – P. 753–766. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12241>
18. **Ma H. K.** The Relation of Gender-Role Classifications to the Prosocial and Antisocial Behavior of Chinese Adolescents // *Journal of Genetic Psychology. Research and Theory on Human Development*. – 2005. – Vol. 166, Issue 2. – P. 189–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.3200/GNTP.166.2.189-202>
19. **Mead G. H.** The Social Self // *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*. – 1978. – Vol. 41, Issue 2. – P. 178–182. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00332747.1978.11023971>
20. **Newcomb T. M.** An Approach to the Study of Communicative Acts // *Psychological Review*. – 1953. – Vol. 60, Issue 6. – P. 393–404. PMID: 13112341 URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pub-med/?term=Newcomb+T.+M.+An+Approach+to+the+Study+of+Communicative>
21. **Neale M., Griffin M. A.** A Model of Self-Held Work Roles and Role Transitions // *Human Performance*. – 2006. – Vol. 19, Issue 1. – P. 23–41. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15327043hup1901_2
22. **Bai S., Reynolds B. M., Robles T. F., Rena R. L.** Daily links between school problems and youth perceptions of interactions with parents: A diary study of school-to-home spillover // *Social Development*. – 2017. – Vol. 26, Issue 4. – P. 813–830. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12229>
23. **Elliott S.** Parents Constructions of Teen Sexuality: Sex Panics, Contradictory Discourses, and Social Inequality // *Symbolic Interaction*. – 2010. – Vol. 33, Issue 2. – P. 191–212. DOI: [10.1525/si.2010.33.2.191](http://dx.doi.org/10.1525/si.2010.33.2.191)
24. **Spurlock J.** Multiple roles of women and role strains // *Health Care for Women International*. – 1995. – Vol. 16, Issue 6. – P. 501–508. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07399339509516205>

25. **Tatar M., Amram S., Kelman T.** Help-seeking behaviours of adolescents in relation to terrorist attacks: the perceptions of Israeli parents // *British Journal of Guidance & Counselling*. – 2011. – Vol. 39, Issue 2. – P. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/03069885.2010.547052>
26. **Terrion J. L., Rocchi M., O'Rielly S.** The Relationship Between Friendship Quality and Antisocial Behavior of Adolescents in Residential Substance Abuse Treatment // *Journal of Groups in Addiction & Recovery*. – 2015. – Vol. 10, Issue 2. – P. 141–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1556035X.2015.1034823>
27. **Vlahovic T. A., Roberts S., Dunbar R.** Effects of Duration and Laughter on Subjective Happiness Within Different Modes of Communication // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2012. – Vol. 17, Issue 4. – P. 436–450. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1083-6101.2012.01584.x>
28. **Wang D., Fletcher A. C.** The role of interactions with teachers and conflict with friends in shaping school adjustment // *Social Development*. – 2017. – Vol. 26, Issue 3. – P. 545–559. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12218>
29. **Weninger C., Williams J. P.** The Interactional Construction of Social Authenticity: “Real” Identities and Intergroup Relations in a Transylvania Internet Forum // *Symbolic Interaction*. – 2017. – Vol. 40, Issue 2. – P. 169–189. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/symb.294>
30. **Yang X., Wang X., Zhang L., Weidman J. C.** Gender role conflict, professional role confidence, and intentional persistence in engineering students in China // *Studies in Higher Education*. – 2017. – Vol. 42, Issue 2. – P. 248–263. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2015.1045476>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.02)

Sergey Borisovich Perevozkin, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Psychology, Pedagogy and Law Department, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-6790-4835>

E-mail: per@bk.ru

Olga Olegovna Andronnikova, Candidate of Psychological Sciences, Dean of Psychology Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1756-7682>

E-mail: andronnikova_69@mail.ru

Yuliya Mihaylovna Perevozkina, Candidate of Psychological Sciences, Chef of Practical and Special Psychology Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4201-3988>

E-mail: per@bk.ru

Role structure of adolescents in interpersonal interaction

Abstract

Introduction. *The article investigates the problem of interpersonal interaction among adolescents - a generation growing in a rapidly changing world. The purpose of the article is to identify the role structure of adolescents in the context of interpersonal interaction.*

Materials and Methods. *The study was conducted using a sample of 139 adolescents (62 boys and 77 girls) aged between 13 and 15 years in grades 7–9 of comprehensive schools in Novosibirsk. The study uses a projective method and questionnaires in order to gain insights into manifestation of roles within interpersonal interaction among adolescents, role conflict and characteristics of interactions and relationships of adolescents in the group.*

Results. *The authors report data on statistically significant differences in the manifestation of role-playing positions and role conflict depending on sex, friends and orientation of adolescents $p < 0.05$ (t -Student's test), as well as the significant positive and negative correlations between role images and the evaluation of interpersonal interactions in the group $p < 0.05$ test (r -Spearman test). It is argued that adolescents who have an unstable worldview are prone to negative influences, especially those who experience interpersonal difficulties. It is proposed to consider interpersonal interaction within the framework of symbolic interactionism, which suggests that the basis of interpersonal interaction is the role behavior of the subject. The thesis about cultural fixation of basic roles participating in interpersonal interaction is covered. It is substantiated that the study of adolescence in the context of the role-based approach makes it possible to bring the understanding of the problem of interpersonal interaction to a new level.*

Conclusions. *Based on the results obtained, a conclusion is drawn about the peculiarities of the role structure of adolescents in interpersonal interaction.*

Keywords

Interpersonal interaction; Sphere of contacts; Group; Role; Role behavior; Role conflict; Adolescents.

REFERENCES

1. Andronnikova O. O. The Transformation Possibilities for the Non-Adaptive Forms of Adolescents' Victim Behavior in the Educational Space. *Philosophy of Education*, 2014, no. 1, pp. 178–184. (In Russian) URL: <https://library.ru/item.asp?id=21952208>
2. Gornostay P. P. *Personality and role: role-based approach in the social psychology of the individual*. Monograph. Kiev, Interpress Publ., 2007, 311 p. (In Russian) URL: <https://library.ru/item.asp?id=20095515>
3. Pantsyr S. N., Novgorodtseva A. P. Personality Features in Adolescents with Deviant Behavior. *Cultural-Historical Psychology*, 2013, no. 2, pp. 64–72. (In Russian) URL: <https://library.ru/item.asp?id=21375882>
4. Perevozkina J. M. Impasa-Role Model for Diagnostics of the Person Socialization. *Siberian Pedagogical Journal*, 2016, no. 5, pp. 126–133. (In Russian) URL: <https://library.ru/item.asp?id=27279192>
5. Rubtsova O. V. Role identity as an integral characteristic of the social situation of adolescent development. *Psychological Science and Education*, 2011, no. 5, pp. 5–13. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17732847>
6. Khalifayeva O. A. Features of Display of Creativity in Role Conflict Situation in Early Adulthood. *Psychological Science and Education*, 2017, vol. 22, no. 2, pp. 54–64. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29817659>
7. Anthrop J., Allison M. T. Role Conflict and the High School Female Athlete. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 1983, vol. 54, issue 2, pp. 104–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02701367.1983.10605281>
8. Burdess N. Role Theory and the Local Planner. *Urban Policy and Research*, 1987, vol. 5, issue 3, pp. 126–131. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08111148708551305>
9. Allen D. “Just a Typical Teenager”: The Social Ecology of “Normal Adolescence” – Insights from Diabetes Care. *Symbolic Interaction*, 2013, vol. 36, issue 1, pp. 40–59 DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/symb.42>
10. Inderbitzen H. M., Walters K. S., Bukowski A. L. The role of social anxiety in adolescent peer relations: Differences among sociometric status groups and rejected subgroups. *Journal of Clinical Child Psychology*, 1997, vol. 26, issue 4, pp. 338–348. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15374424jccp2604_2
11. Gerardy H., Mounts N. S., Luckner A. E., Valentiner D. P. Mothers' Management of Adolescent Peer Relationships: Associations With Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior. *Journal of Genetic Psychology*, 2015, vol. 176, issue 5, pp. 299–314. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00221325.2015.1066746>
12. Goffman E. On Face-Work. An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*, 1955, vol. 18, issue 3, pp. 213–231. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00332747.1955.11023008>
13. Jackson J. Contemporary criticisms of role theory. *Journal of Occupational Science*, 1998, vol. 5, issue 2, pp. 49–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14427591.1998.9686433>

14. Jaskyte K. The Impact of Organizational Socialization Tactics on Role Ambiguity and Role Conflict of Newly Hired Social Workers. *Administration in Social Work*, 2005, vol. 29, issue 4, pp. 69–87. DOI: http://dx.doi.org/10.1300/J147v29n04_05
15. Kulis S., Marsiglia F. F., Nagoshi J. L. Gender Roles, Externalizing Behaviors, and Substance Use Among Mexican-American Adolescents. *Journal of Social Work Practice in the Addictions*, 2010, vol. 10, issue 3, pp. 283–307. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1533256X.2010.497033>
16. La Greca A. M., Harrison H. M. Adolescent Peer Relations, Friendships, and Romantic Relationships: Do They Predict Social Anxiety and Depression?. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 2005, vol. 34, issue 1, pp. 49–61. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15374424jccp3401_5
17. Lennings H. I. B., Bussey K. The mediating role of coping self-efficacy beliefs on the relationship between parental conflict and child psychological adjustment. *Social Development*, 2017, vol. 26, issue 4, pp. 753–766. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12241>
18. Ma H. K. The Relation of Gender-Role Classifications to the Prosocial and Antisocial Behavior of Chinese Adolescents. *Journal of Genetic Psychology. Research and Theory on Human Development*, 2005, vol. 166, issue 2, pp. 189–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.3200/GNTP.166.2.189-202>
19. Mead G. H. The Social Self. *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*, 1978, vol. 41, issue 2, pp. 178–182. <http://dx.doi.org/10.1080/00332747.1978.11023971>
20. Newcomb T. M. An Approach to the Study of Communicative Acts. *Psychological Review*, 1953, vol. 60, issue 6, pp. 393–404. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/?term=Newcomb+T.+M.+An+Approach+to+the+Study+of+Communicative>
21. Neale M., Griffin M. A. A Model of Self-Held Work Roles and Role Transitions. *Human Performance*, 2006, vol. 19, issue 1, pp. 23–41. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15327043hup1901_2
22. Bai S., Reynolds B. M., Robles T. F., Rena R. L. Daily links between school problems and youth perceptions of interactions with parents: A diary study of school-to-home spillover. *Social Development*, 2017, vol. 26, issue 4, pp. 813–830. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12229>
23. Elliott S. Parents Constructions of Teen Sexuality: Sex Panics, Contradictory Discourses, and Social Inequality. *Symbolic Interaction*, 2010, vol. 33, issue 2, pp. 191–212. DOI: <http://dx.doi.org/10.1525/si.2010.33.2.191>
24. Spurlock J. Multiple roles of women and role strains. *Health Care for Women International*, 1995, vol. 16, issue 6, pp. 501–508. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07399339509516205>
25. Tatar M., Amram S., Kelman T. Help-seeking behaviours of adolescents in relation to terrorist attacks: the perceptions of Israeli parents. *British Journal of Guidance & Counselling*, 2011, vol. 39, issue 2, pp. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/03069885.2010.547052>
26. Terrion J. L., Rocchi M., O'Rielly S. The Relationship Between Friendship Quality and Antisocial Behavior of Adolescents in Residential Substance Abuse Treatment. *Journal of Groups in Addiction & Recovery*, 2015, vol. 10, issue 2, pp. 141–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1556035X.2015.1034823>
27. Vlahovic T. A., Roberts S., Dunbar R. Effects of Duration and Laughter on Subjective Happiness Within Different Modes of Communication. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2012, vol. 17, issue 4, pp. 436–450. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1083-6101.2012.01584.x>
28. Wang D., Fletcher A. C. The role of interactions with teachers and conflict with friends in shaping school adjustment. *Social Development*, 2017, vol. 26, issue 3, pp. 545–559. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12218>

29. Weninger C., Williams J. P. The Interactional Construction of Social Authenticity: “Real” Identities and Intergroup Relations in a Transylvania Internet Forum. *Symbolic Interaction*, 2017, vol. 40, issue 2, pp. 169–189. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/symb.294>
30. Yang X., Wang X., Zhang L., Weidman J. C. Gender role conflict, professional role confidence, and intentional persistence in engineering students in China. *Studies in Higher Education*, 2017, vol. 42, issue 2, pp. 248–263. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2015.1045476>

Submitted: 16 November 2017   Accepted: 09 January 2018   Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).